

УДК 82(091:81-1) (История литературы. Поэзия)

ИДИЛЛИИ АВГУСТА ФОН ПЛАТЕНА

© 2016 А.С.Бакалов

Бакалов Анатолий Сергеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет. Россия

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

Жанровые формы идиллии и эклоги не получили в литературоведении достаточно четкой и более или менее однозначной дефиниции, и потому слово «идиллия», даже если оно употребляется в терминологическом смысле, означает порой весьма отличные друг от друга лирические, лиро-эпические или лирико-драматургические формы. Немецкий поэт Август фон Платен составляет в этом смысле известное исключение. Выступив в эпоху романтизма против романтического индивидуализма в литературе, он пытался сохранять и лелеять жанровые формы в их изначальной, дошедшей из античности чистоте.

Ключевые слова: история литературы; творчество немецкого поэта Августа фон Платена.

Творчество немецкого поэта Августа фон Платена (1796–1835) достаточно разнообразно по жанровой палитре. Исследователи перечисляют его заслуги как в деле обновления поэтических жанров в немецкой поэзии, так и в области переводческой ориенталистики, порой его имя встраивается в табель о рангах даже неподалеку от имени Гете, в целом же в науке наталкиваясь на парадокс: как русская, так и немецкая филология лишь с оговорками согласна видеть в Платене крупного поэта. Одним из главных критических упреков Платену – тот, что он был ретроградом, шагал «не в ногу» со своим романтическим веком, не спешил порывать с веком классицизма. «Благородный анахронизм Платена» – так названа статья одного из современных историков немецкой литературы [1]. Показателями такого «анахронизма», в самом деле, служат явная антиромантичность Платена в эпоху романтизма, его пристрастие к изжившим или изживающим себя жанрам, к которым, наряду с лелеемой Платеном одой, относилась и идиллия. Парадокс еще и в том, что в целом Платен, поэт по преимуществу гражданской темы, трибун по общественно-политическому настрою и эстет по художественной своей стилистике, в целом не воспринимается как поэт идиллического мировидения. Лишь одна особенность делает его творчество все же близким идиллии феодритовского плана: это тяга поэта к изображению ландшафтов Италии, своей «второй родины», которую он любил и которую исколесил, кажется, вдоль и поперек.

«Картинками» в феодритовском смысле предстают в большинстве своем и его поэтические произведения, причисляемые к идиллиям и к эклогам. Как и вся наука в целом, мы не делаем различия между двумя поименованными жанрами.

Произведений идиллического типа у Платена насчитывается не более пяти-шести. Сам автор относил их по большей части к одам. Все они написаны в Италии, на итальянском материале и написаны «классическим» гекзаметром.

Впрочем, есть у поэта и «чистая» идиллия, не имеющая отношения к одам, это «Пастух и девушка с виноградника» (*Hirte und Winzerin* – 1828). Произведение представляет собой диалог влюбленных, в котором пастух добивается от девушки согласия на ночное свидание, для чего просит оставить для него на ночь калитку виноградника открытой. Девушка разыгрывает незаинтересованность в таком свидании, разговор заходит даже о якобы предпочтении ею некоего более молодого, более искусного в пении и более зажиточного Винченцо, однако в конце она-таки уступает решительности молодого человека:

...Spötter! Ich gehe, du magst nachfolgen, ich weiche der List bloß;
Doch jedwedem geheim bleibe der späte Besuch! [2]

Конечно, объектом изображения здесь становятся «чувства и страсти людей, незначительных в обществе» [3], однако же действующие лица идиллии предстают здесь далеко не как «простые» люди. Это тонко чувствующие эстеты, раз-

бирающиеся в изобразительном искусстве и в музыке.

Hirte.

Mir nun ist er ein Gegner geworden, und gestern in heft'gen Wechselgesangs Wettstreit improvisiert ich mit ihm.

Winzerin.

Ihm fehlt selten ein Reim, auch dir fehlt selten ein Reim, Freund!
Aber des Volks Beifall wurde dem Knaben zu Teil [4].

В своих путешествиях сначала по Швейцарии, а потом по Италии Платен писал стихи, полностью исчерпывающиеся деловым описанием городов, ландшафтов, сцен. Многие его оды, а еще больше – эпиграммы – не более чем версифицированные дневниковые записи и выполняют приблизительно ту же функцию, что и нынешние открытки с экзотическим колоритом или любительские снимки современных нам туристов. К примеру:

Turin

Schnurgradlaufende Gassen und höchst kunstlose Gebäude;
Doch erfreuen von fern Alpen und ewiger Schnee.

Или:

Die Insel Tino bei Palmaria

Myrtengebüsch, Steineichen, in Trümmern verfallende Klöster,
Leuchtturm, felsige Bucht, liebliche Welle des Meers [5, с.45].

Иногда к такой «деловой» части добавляются жанровые сценки или же автор изливает свои политические пристрастия в выпадах против тиранов, против папы римского или в целом церкви. Нередко возникает тема исторического прошлого тех или иных реалий ландшафта. При этом аналогия или контраст служат связующим средством, объединяющим в одном стихотворении древнеримское величие и – современный упадок, ландшафт – и жизнь народа, красоты живописи – и красоту живых юношей и девушек. В таких стихотворениях ощущается сходство с описательной манерой Байрона, характерное и для английского поэта намерение соединить ландшафт с прошлым, с культурой и повседневным бытом [5, с.45 – 46]. Но очевидны различия в стилистике путешествующих поэтов. В отличие от байроновской, повествовательная форма произведений Платена статически неподвижна, тон спокоен, сух и почти бесстрастен. Подобный «нулевой градус» письма характерен для его од

«Флоренция» и «Aqua Paolina», для одических идиллий «Рыбаки Капри» (1827), «Картинки Неаполя» (1827), «Амалфи» (1827), «Приглашение на остров Пальмария» (1828), «Рыбачка с острова Бурано» (1833).

Идиллии-«картинки» Платена обычно именно с «картинок» и начинаются – с достаточно подробного описания месторасположения той или иной итальянской местности. Это так или иначе касается всех перечисленных произведений.

«Рыбаки Капри» («Fischer von Kapri») – одно из немногих произведений, в которых проявились симпатия «высоколобого» графа Платена к людям труда и сочувствие к их трудной жизни. Сразу же после экспозиции – после описаний и характеристики острова, находящегося «на краю земли», – даются картины бедняцких жилищ рыбаков, их тяжелого труда, связанного с каждодневным добыванием пищи:

...Immer das Netz auswerfen, es einziehn; wieder es trocknen
Über dem sonnigen Kies, dann wieder es werfen und einziehn [2, s.140].

У рыбаков нет земли, где бы они могли что-то выращивать, в их распоряжении только рыбацкая сеть, с помощью которой они добывают в море пищу для своих семей, да еще тунцов для продажи в «богатом» Неаполе.

Описывая Капри, поэт в то же время касается и исторического прошлого острова. Так он будет делать и в других одах-идиллиях:

...Auf dem erhöhteren Felsen erscheint ein zerfallenes Vorwerk,
Mit Schießscharten versehn; sei's, daß hier immer ein Wachturm
Ragte, den offenen Strand von Algiers Flagge zu hüten,
Die von dem Eiland oft Jungfrauen und Jünglinge wegstahl;
Sei's daß gegen den Stolz Englands und erfahrene Seekunst
Erst in der jüngeren Zeit es erbaut der Napoleonide [2, s.139].

О живописной приморской природе и о прошлом другого острова речь заходит и в «Рыбачке с острова Бурано» («Das Fischermädchen in Burano»). Описания даются от начала и до конца в форме монолога девушки, рассказывающей в кругу своих товарок, плетущих рыбацкую сеть, о своем возлюбленном, которому эта сеть должна понадобиться уже сегодня. Девушка упоминает о городе, якобы ушедшем под воду неподалеку от Венеции, так что их рыбацкие сети нередко вытаскивают из глубины золото и драгоценные

камни. Далее последует рассказ в рассказе. Юная рыбачка упомянет в своем повествовании певца, рассказ о котором ей самой довелось услышать в городе. Речь в нем шла о чуде с покойным Альбанусом – святым покровителем тамошних мест, о том, что гроб с телом святого, привезенный морем, оказался столь тяжелым, что его не в силах были перенести на сушу даже сильные мужчины, однако легко и играючи вытащили на берег безгрешные ребятишки:

...Siehe, da kamen heran unmündige lockere Kinder;
Spannten, als wär's zum Scherz, an das Seil sich,
zogen den Seil dann
Leicht an den Strand, ganz ohne Beschwerde, mit
freundlichen Lächeln [2, s.137].

Последовал в передаче рыбачки и другой рассказ певца, также касающийся местной истории. Речь шла на этот раз о похищении пиратами венецианских девушек, отправившихся за город на праздник, о погоне за похитителями, возглавленной дожем, о битве с пиратами и о счастливом вызволении красавиц из плена. Заканчивается идиллия Платена теми же замыкающими повествовательную рамку строчками, с которых она начиналась:

...Strickt mir fleißig am Netz, ihr Schwestern! Es
soll's der Geliebte
Heut noch haben, sobald im besiegelten Nachen er
heimkehrt [2, s.138].

Стихотворение «Амальфи» («Amalfi») – это чистая «картинка» с характеристикой городка вместе с его достопримечательностями, среди которых обращает на себя внимание лаконичное описание древнего Пестума. Характерны также разговорные интонации, с которыми автор напрямую обращается к читателю:

...Doch wer kann, da die Zeit hinrollt, festhalten
die Schönheit?
Schweige davon! Rings gähnt, wie ein Schlund, die
gewisse Zerstörung:
Tritt auf jede Balkone hinaus, und in duftiger Ferne
Siehst du das Ufer entlegener Bucht und am Ufer
erblickst du
Herrlicher Säulen in Reihn auftretendes, dorisches
Bildwerk [2, s.142].

В основе «Картин Неаполя» («Bilder Neapols») – тоже, конечно, «картины», но на этот раз эти картины представляют собой результат восторженного восприятия итальянского города глазами «туриста», рекламирующего увиденное:

Fremdling, komm in das große Neapel, und sieh's
und stirb!

Schlürfe Liebe, geneuß des beweglichen
Augenblicks
Reichsten Traum, des Gemüts vereitelten Wunsch
vergiß
Und was Quälendes sonst in das Leben ein Dämon
wob:
Ja, hier lerne genießen, und dann, o Beglückter,
stirb! [2, s.132]

Музыка, танец, торговля, сутолока обычной жизни – с поварами и цирюльниками, с монахами-попрошайками, – красота моря и гор, древность обступивших Неаполь пяти монастырей (Kastelle). И здесь также заходит речь о простых людях и их труде, но на этот раз лишь мельком, как еще одна достопримечательность города-чуда:

...Wo mit nervischer Kraft an das Ufer sie ziehn das
Netz,
Singend, fröhlichen Muts, in beglückter
Dürftigkeit [2].

Поистине замечательный эпитет-оксюморон – «счастливая бедность»!

«Приглашение на остров Пальмария» («Einladung nach der Insel Palmaria») начинается с описания месторасположения острова, приехать на который поэт настойчиво приглашает своего друга Румора (den Freiherrn von Rumohr).

Пальмария – остров в Лигурийском море напротив небольшого городка Специя. В описаниях местности фигурируют обычные для итальянских пейзажей реалии: море, горы, оливы, пальмы, фиги, виноградники, пинии, синие бухты, чистый воздух. В добавление к этому с острова Пальмария видны издали мраморные горы Каррары, у подножья которых расположился городок Леричи. Упоминается, что на траверсе этого городка утонул друг какого-то «того» поэта (вряд ли это Шелли, погибший южнее, в Неаполитанском заливе). Корабли везут сюда померанцы из Сицилии и вина из Генуи. Поэт предупреждает друга, что Пальмария – не Капри и не Сорренто, и тем не менее одной из важных достопримечательностей этой местности Платен называет рождение в этих краях двух великих людей:

...Doch zeugten diese Küsten auch Unsterblichkeit
[2, s.147].

Называются имена Колумба и Наполеона, что, конечно, натяжка, поскольку один из них родился в Генуе, а второй на Корсике. Однако формально поэт все же прав, употребляя словосочетание «эти берега» (diese Küsten) во множествен-

ном числе, поскольку берега здесь, в самом деле, два – итальянский материковый и корсиканский островной. Известно, что Платен воспринимал Колумба и Наполеона как явления одного порядка, как гениев-первопроходцев, о чем свидетельствует еще и его баллада «Дух Колумба» («Colombos Geist» – 1818), в которой дух открывателя Америки утешает великого пленника, перевозимого англичанами на остров св. Елены:

“...Klage nicht, wenn auch die Seele duldet,
Klage nicht, dir ist ein Trost bereit:
Was du leidest, litt ich unverschuldet,
Und Colombo nannte mich die Zeit.
Ich zuerst durchschnitt die Wasserwüste,
Über der du deine Zähren weinst,
Der Atlantis frühverlorne Küste,
Dieser Fuß betrat zuerst sie einst” [4, s.7 – 8].

Среди других якобы достопримечательностей данной местности упоминаются еще и могилы Данте и Ариосто, что тоже неточно, поскольку Данте похоронен в Равенне (10 км от Адриатики), а Ариосто – в Ферраре. Впрочем, это говорит еще и за то, что Италия – страна, где «все рядом».

Наверное, есть своя логика и у составителей компьютерной программы «Deutsche Lyrik von Luther bis Rilke» (Bd. 75), отнесших к идиллиям и эклогам Платена еще и стихотворение «Смерть Филемона». Оно написано тем же гекзаметром, что и другие идиллии, в нем рассказывается о последних часах жизни 99-летнего древнегреческого поэта (361–263 до н.э.), который перед смертью довершает последним стихом свою последнюю комедию. Человек исполнил свою миссию на земле и, умиротворенный, уходит вслед за покинувшими его девятью музами. Однако очень уж неидиллический политический контекст, в котором умирает поэт. Это никак не похоже на изображение «жизни простых людей на лоне безмятежной природы». На Афины идет войной Александр Македонский, и музы (или девушки, на них похожие) молчаливо покидают умирающего поэта, чтобы не стать свидетельницами гибели Афин. Сообщением об этой гибели произведение и заканчивается, разрушая саму атмосферу идиллии:

...Den letzten Vers dann einer unvollendeten
Komödie schreibt der Alte, legt das Täfelchen
Hinweg, und ruhig sinkt er auf die Lagerstatt,
Und schläft den Schlaf, von dem der Mensch
niemals erwacht.
Bald ward Athen zur Beute Mazedoniers [2, s.104].

Но бывает и другое: встречаются у А.Платена идиллические нотки и в стихотворениях, не мыслившихся автором как идиллии, написанных в «неидиллической» форме, вне гекзаметров, как стихи «на случай». Таким примером может послужить хотя бы стихотворение «Бегство в Тоскану», в котором поэт, спасаясь от промозглой северной Ломбардии, спешит в коляске на благодатный юг, воспринимая его как скорое счастье:

Du bist mir im Dezember Lenz,
Du milder Himmel von Florenz!
Paläste, grüne Haine ziert
er Arno, welcher nie gefriert,

Und über ihm, so schön und breit,
Die Brücke der Dreifältigkeit...
...Olivenhaine rings herum,
Wo manches schöne Tuskulum,
Umgeben von Zypressen, stand,
Verhießen mir ein mildres Land,
Ein Volk, das immer fröhlich singt,
Und dessen Sprache süßer klingt [4, s.133].

Жанровые формы идиллии и эклоги не получили в литературоведении достаточно четкой и более или менее однозначной дефиниции, и потому слово «идиллия», даже если оно употребляется в терминологическом смысле, означает порой весьма отличные друг от друга лирические, лиро-эпические или лирико-драматургические формы. Немецкий поэт Август фон Платен составляет в этом смысле известное исключение. Выступив в эпоху романтизма против романтического индивидуализма в литературе, он пытался сохранять и лелеять жанровые формы в их изначальной, дошедшей из античности чистоте. Так, Х.Черси считал, что Платен создавал не столько отдельные произведения в том или ином жанре, сколько сами жанры (Gattungen). «Он стремился к истокам каждого из жанров, к их врожденному стилю и его совершеннейшему выражению. Он всегда создает сонет, газель, оду, гимн. Есть многие, которые лучше него делали стихотворения в форме оды или сонета, но на немецком языке нет газели, нет гимна и нет оды, более газелеобразных, гимнических и одических (ghaselmäßiger, hymnenhafter oder odenartiger), чем у Платена» [6]. Думается, это же можно утверждать и о формальной чистоте его идиллий и од идиллического содержания.

1. Беттхер, К. Благородный анахронизм Шатена // История немецкой литературы в 3-х тт. Т. II. 1789–1895. М., Радуга. 1986. 130–132. Диссертации по гуманитарным наукам. <http://cheloveknauka.com/nemetskaya-posleromanticheskaya-lirika#ixzz4PhhGq8hk>
2. Беттхер, К. Благородный анахронизм Шатена // История немецкой литературы в 3-х тт. Т. II. 1789–1895. М., Радуга. 1986. 130–132. Диссертации по гуманитарным наукам. <http://cheloveknauka.com/nemetskaya-posleromanticheskaya-lirika#ixzz4PhhGq8hk>
3. Platen, A., Graf von. Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe mit Einschluß des handschriftlichen Nachlasses / Hrsg. von Max Koch und Erich Petzet. Zwölf Teile in sechs Bänden. Hildesheim-New York, 1969. Bd. III. S. 151. (Germ.)
4. Гиждеу, С.П. Платен // История немецкой литературы в 5 тт. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 78.
5. Deutsche Lyrik von Luther bis Rilke, Band 75. S. 540. (Germ.)
6. Цит. по: Бакалов, А.С. Немецкая послеромантическая лирика. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. 153 с. С. 45.
7. Tschersy, H. Studien zu Graf Platens Ghaselen. Inaug. Diss. Leipzig, 1907. S. 111. (Germ.)

AUGUSTUS VON PLATEN'S IDYLLS

© 2016 A.S.Bakalov

Anatoly Sergejevich Bakalov, Doctor of philology, Professor of Department of Russian and foreign literature and methods of teaching literature. E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Samara State University of Social Sciences and Education. Russia

Genre forms of idyll and eclogue have not received an accurate enough and more or less unambiguous definition in literary criticism and therefore the word "idyll", even if it is used in terminological sense, sometimes means very contrasting lyrical, lyrico-epic or lyrico - dramatic forms. The German poet Augustus von Platen makes a popular exception in this respect. Having opposed romantic individualism in literature during the romanticism era, he tried to preserve and cherish genre forms in their initial, antique purity.

Keywords: history of literature; works of the German poet Augustus von Platen.

1. Bettkher, K. Blagородnyi anahronizm Shatena (Shaten's noble anachronism) // Istoriiia nemetskoi literatury v 3-kh tt. Т. II. 1789-1895. М., Raduga. 1986. 130–132. Dissertatsii po gumanitarnym naukam. <http://cheloveknauka.com/nemetskaya-posleromanticheskaya-lirika#ixzz4PhhGq8hk>
2. Platen, A., Graf von. Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe mit Einschluß des handschriftlichen Nachlasses / Hrsg. von Max Koch und Erich Petzet. Zwölf Teile in sechs Bänden. Hildesheim-New York, 1969. Bd. III. S. 151. (Germ.)
3. Gizhdeu, S.P. Platen (Platen) // Istoriiia nemetskoi literatury v 5 tt. Т. III. М.: Izd-vo AN SSSR, 1966. S. 78.
4. Deutsche Lyrik von Luther bis Rilke, Band 75. S. 540. (Germ.).
5. Tsit. po: Bakalov, A.S. Nemetskaia posleromanticheskaiia lirika (German postromantic lyrics). Samara: Izd-vo SamGPU, 1999. 153 s. S. 45.
6. Tschersy, H. Studien zu Graf Platens Ghaselen. Inaug. Diss. Leipzig, 1907. S. 111. (Germ.).